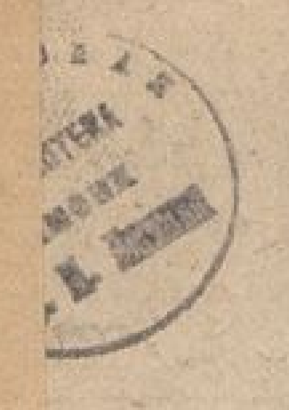

Свободно льется
песнь моя...
М. Ю. Лермонтов
№ 10
ОКТЯБРЬ
1939
ГОД ИЗДАНИЯ
ШЕСТНАДЦАТЫЙ
Мурзилка
ОРГАН ЦК ВЛКСМ
ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ
ЖУРНАЛ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ

Очерк В. Бровкиной *Рисунок Н. Машковой*

ЮНЫЙ ДЖИГИТ ХАЛИЛЬ ЮЛДАШЕВ

Два года тому назад Халиль получил из колхоза совсем маленького жеребенка.

Каждый день утром, до школы, Халиль забегал в конюшню, чтобы почистить своего Орлика, расчесать ему гривку, хвост и обязательно покормить чем-нибудь вкусным.

То он приносил ему хлеба с солью, то пучок нежной, сочной травы, то морковку или яблоко. Халиль ласково поглаживал своего любимца, пока тот ел.

Зато и любил же Орлик своего маленького хозяина! Чуть только услышит голос мальчика — мчится к нему, хватает теплыми влажными губами за руку, за ухо и радостно ржет звонким, сильным голосом.

А когда надо было вести его на водопой, то и узды не нужно: жеребенок бежит за Халилем, как верная, послушная собака.

И объезжал Орлика сам Халиль, когда коню исполнился год. Молодой скакун горячился, вставал на дыбы, грыз удила, стараясь освободиться от них. Но у Халиля крепкая и строгая рука. Это ничего, что ему только одиннадцать лет! Он уже два года занимается джигитовкой и объезжает молодых скакунов.

С Орликом Халиль участвовал в республиканской джигитовке. На это соревнование выезжали лучшие джигиты Таджикской республики. Халиль тогда получил в премию шелковый халат и почетную грамоту.

На этом же коне Халиль совершил свой первый конный пробег из Сталинабада в Москву вместе со взрослыми джигитами. Путь был трудный и далекий. Его товарищи, поехавшие с отцами, вернулись домой. Халилю тоже было очень тяжело, но вернуться, не доехав до Москвы, он не хотел.

А когда джигиты приехали в Москву, их принял сам товарищ Ворошилов. Он подарил Халилю патефон и триста рублей.

Недавно Орлика взяли в Красную армию.

Халиль вырастил уже не одного такого коня для Красной армии и всегда очень радовался и гордился, когда комиссия принимала его лошадь.

***

Маленький джигит Халиль Юлдашев — экспонент на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Он живет в Таджикистане, в Какташском районе, в колхозе «Партизан Сурх» («Красный партизан»). Он учится в третьем классе, и по всем предметам у него «отлично».

Отец его — председатель колхоза и депутат Верховного Совета Таджикской ССР. Это знаменитый джигит Таджикистана, боровшийся с бандами басмачей. Из одного похода отец Халиля привез серебряную шашку, которая досталась ему в бою с атаманом басмачей. Эту шашку отец подарил Халилю. Шашка немного велика для мальчика, но это ничего. И каждый раз, как он садится на коня, он надевает ее: джигит должен иметь шашку.

На обложке:
...школьном клубе".
...исунок М. Михаэлис.

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

Г. Эйхлер

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом...

Кто не знает этих чудесных строк, кто не слышал стихотворений «Бородино», «Воздушный корабль», «Три пальмы», «Горные вершины»! Стихи эти читал каждый грамотный человек нашей страны. Их любят и заучивают, читают и поют взрослые и дети.

Стихи эти написал гениальный русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов.

Сейчас наша страна отмечает 125 лет со дня рождения Лермонтова. А через два года минет столетие со дня его смерти. Мало, очень мало жил Лермонтов!

Лермонтов жил и работал в одно время с великим русским поэтом Пушкиным; он пережил Пушкина только на четыре года.

Конец у них был одинаковый: оба погибли от руки подлых слуг тогдашнего царя — Николая Первого.

Время было тяжелое.

Царь Николай Первый и его приближенные душили всякую свободную мысль и зверски расправлялись с каждым, кто посмел сказать хоть одно слово против царя и вельмож.

Многие передовые люди были казнены. Многих сослали в далекие, дикие края — на погибель. Тюрьмы были переполнены.

Крестьяне были тогда собственностью помещиков. Помещики могли делать с ними все, что им приходило в голову. Люди гибли тысячами — гибли от голода, от пыток, от жестокого угнетения.

Казак. Рисунок М. Ю. Лермонтова.

Лермонтов с детства слышал рассказы взрослых о первых русских революционерах — декабристах, казненных царем. Он слышал и видел, как тяжело живется крестьянам под гнетом помещиков.

Ему, как и Пушкину, было больно оттого, что он не мог ничего сделать, чтобы облегчить эту жизнь.

Лермонтову было стыдно за своих современников, которые видели, как страдает народ, и оставались спокойными, ничего не делали для того, чтобы народ жил лучше.

В 1830 году во Франции произошла революция. Лермонтову тогда было шестнадцать лет.

Он горячо приветствовал восставший народ:

Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,

Дарьяльское ущелье. Автолитография М. Ю. Лермонтова.

Рисунок М. Ю. Лермонтова.

И снова перед вами пали
Самодержавия сыны,
И знамя вольности кровавой
Явилося...

Тогда же он обратился к декабристам, томящимся в тюрьмах Сибири. Он призывал их к мужеству:

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем? Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали.

Тиран — это царь. Лермонтов ненавидел царя, ненавидел всех верных царю людей и предсказывал их гибель.

В детстве Лермонтов побывал на Кавказе и навсегда полюбил этот край. Там в это время шла война: русский царь покорял вольные кавказские народы.

Описывая богатую и суровую природу Кавказа, Лермонтов с большой любовью рассказывал о свободных и мужественных людях этого края, боровшихся за свою независимость.

Он писал очень много стихов, но не все печатал. Глубоко чтя великий талант Пушкина, он думал, что печатать надо только такие стихи, которые могут быть равными пушкинским.

8 февраля 1837 года Пушкин был смертельно ранен на дуэли, а 10 февраля он умер.

Огромные толпы народа в большом горе стояли у дома, где умер великий народный поэт. Народ шел туда, чтобы молча выразить свое горе, любовь к замечательному человеку и ненависть к царю и его правительству, убившим Пушкина.

Рисунок М. Ю. Лермонтова.

В эти печальные дни по Петербургу стало из рук в руки ходить стихотворение, написанное на смерть Пушкина:

Погиб поэт! невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и с жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!

Автором этих стихов был двадцатидвухлетний Лермонтов.

Молодой поэт с гневом и ненавистью обращался к палачам Пушкина, горячо обличал врагов свободы, грозил им:

И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Стихи тайно переписывались и распространялись по всей стране. Скоро они дошли до царя. Лермонтова арестовали и сослали на Кавказ.

Для всех было ясно, что Лермонтова послали на войну, под пули, для того, чтобы избавиться от него.

На Кавказе Лермонтов пробыл до осени. Там он написал много стихов и замечательную поэму «Песня про купца Калашникова». Враги просчитались: он не погиб. В Петербург он вернулся уже знаменитым поэтом. О нем много говорили, молодежь читала и заучивала его стихи, пленительно звучные, ясные, полные раздумья и поэзии...

Но в Петербурге Лермонтову жить не пришлось. Попрежнему видел он вокруг произвол и насилие над народом.

В своих стихах Лермонтов обличал царя и дворян, а народ призывал к борьбе за свободу. Царь снова приказал выслать поэта на Кавказ.

И вот снова дорога! Снова Кавказ!

Он ехал от станции к станции долго, много дней, пересекая огромную страну.

Он думал о родине, о горькой жизни народа, о несчастливой своей судьбе.

При царском строе всем талантливым писателям было очень трудно работать: как только они начинали говорить о свободе, как только они становились на защиту народа, их старались поскорее убрать.

Так случилось с Пушкиным. Так было и с Лермонтовым.

24 июля 1841 года около Пятигорска Лермонтов был убит на дуэли.

Дуэль эта была подстроена царскими слугами. Убийцы выполнили настойчивое желание самого царя и его подлых слуг.

Лермонтов всем сердцем любил свою родину, свой народ. Он жил для народа и для него писал свои страстные, гневные и скорбные стихи. Он был поистине великим народным поэтом. И потому память о нем будет вечной.

Он верил в великое и свободное будущее своего народа и жадно стремился к нему, как узник рвется к воле.

Рисунок Е. Эндриксон

***

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
Одета как ризой она.

И снится ей всё, что в пустыне далекой —
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

Стихотворение М. Ю. Лермонтова.

ПАРУС

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом. —
Что́ ищет он в стране далекой?
Что́ кинул он в краю родном?

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрыпит.
Увы, — он счастия не ищет,
И не от счастия бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой.
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Стихотворение М. Ю. Лермонтова.

Рассказ Анны Гарф
Рисунки Е. Эндриксон

ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА ВОЛГЕ

Володя и Алёшка отдыхали всё лето на правом, лесистом берегу Волги, у бабушки, в деревне Пустые Морквашки. Зимой мальчики жили на левом берегу Волги, в городе Казани.

От Пустых Морквашек до Казани речной трамвай идет часа полтора. Но уже с середины августа бабушка стала беспокоиться:

— Поезжайте-ка лучше за день до срока, а то еще что случится с пароходом — вот и опоздаете в школу.

Володя шел в школу первый раз. И он тоже волновался, как бабушка. Но Алёшка учился уже в третьем классе и поэтому только посмеивался:

— Случится, вот еще! В Арктику мы, что ли, едем?

Володе очень хотелось, чтобы первое сентября наступило поскорей. Бабушка купила ему календарь, и они вместе каждый вечер срывали по листику. А один раз оборвали даже целых три.

И вот однажды бабушка разбудила мальчиков в четыре часа утра. Володя увидел на календаре цифру «1». Первое сентября! Наконец-то!

Пароходик должен был притти к пристани в шесть. От деревни до берега — минут тридцать ходьбы, но бабушка выпроводила ребят из дому в половине пятого.

Володе от радости хотелось бежать скорей, скорей в школу, но Алёшка вовсе не думал торопиться.

Небо было еще совсем белое. Сжатое поле ощетинилось, как ёжик. Хлопая крыльями, тяжело поднялась с холма ворона и, каркнув, полетела в деревню.

Мальчики вошли в лес. Осины стояли розовые, а листья калины были темнокрасные. Алёша стал ломать ветки. Он захотел привезти в школу большущий красный веник. Потом он увидел жолуди и влез на дуб.

Мальчики набили ими полные карманы. Они стали класть жолуди в рюкзаки, потом опять ломали ветки с пестрыми листьями.

Когда они вышли из лесу, солнце брызнуло им прямо в глаза. Мальчики сощурились и увидели Волгу. Она блестела, как стальная сабля, и по сияющей воде скользило маленькое пятнышко — речной трамвайчик.

Он был уже далеко-далеко, и стекла его окон горели в лучах солнца, точно капельки росы. Весь трамвайчик казался величиной с кулак, а потом вовсе пропал из виду. Опоздали!.. Володя стал шмыгать носом и тереть левый глаз. Но у Алёши был совсем другой характер.

— Девчонка! — сказал он брату. — Прыгай в ялик! Мы приедем в Казань еще раньше трамвайчика.

Володя бросил в ялик букет, рюкзак, а потом и сам прыгнул. Он вдел весла в уключины.

Ялик болтался у мостков на цепи. Но цепь была не заперта, а просто завязана узлом. Алёша развязал цепь, взял с соседней лодки еще два весла прозапас, шагнул в ялик и оттолкнулся рукой от мостков.

Володя греб очень хорошо. Ему помогал ветер, который дул в лицо, и течение, которое само несло легкую лодку вниз. Мальчики решили доехать до Васильевского поселка, на левом берегу, там сдать ялик рыбакам, а самим сесть в поезд.

На средней скамейке было сделано отверстие для мачты. Алёша вставил туда запасное весло. Вынул из рюкзака простыню, привязал ее ремнем к веслу, а один конец взял в руку. Простыня надулась, словно парус. Ялик полетел так, что вода кипела за кормой. Вот уже показался высокий песчаный берег, весь в круглых дырках, — это гнезда речных ласточек.

«А ласточки-то уже улетели!» хотел сказать Володя, но поперхнулся; что-то кольнуло щеки и лоб, будто кто-то нарочно кинул ему в лицо горсть песку. Мачта затрещала, зашаталась и шлепнулась в воду вместе с простыней. Ялик взлетел вверх носом, потом сразу вниз, опять вверх, точно доска от качелей.

Волга почернела, и по ней заходили высокие волны. Ветер срывал гребни волн, и они вспени-

вались белыми барашками. Это взыграла первая осенняя буря.

Володя не мог грести — ветер не давал занести весла. Алёша, ухватившись за кормовое весло, подгребал изо всех сил к берегу. Наконец Володе удалось опустить свои весла в воду, но они вывернулись лещом, и лодка черпнула бортом. От воды она отяжелела, Алёша один не мог уже больше подгребать. Лодка поднялась вверх кормой, как бы встала, и опрокинулась кверху дном.

Мальчики бултыхнулись в воду. К счастью, место оказалось мелким, даже Володе вода была только по плечи.

Защищая ладонями глаза от песка, ребята выбрались на берег. Песок, ветер, река — всё вместе свистело, громыхало. Сбитые с ног, мальчики упали лицом вниз. Так они лежали, заткнув уши. Песок хрустел на зубах.

Наконец застучал дождь, ветер стих. Мальчики отряхнулись, оглянулись — ни лодки, ни весел!

— Ну, — сказал Алёша, — лодку кто-нибудь из рыбаков там, внизу, поймает. На ней штамп есть. В крайнем случае, если пропадет, я, когда вырасту, эту лодку отработаю.

Володя не ответил. «Ведь если бы Алёшка не полез на дерево сшибать жолуди, ничего бы не случилось!» думал он.

— Придется к поезду пешком итти, — сказал Алёша.

Шагать по песку было очень трудно. Ноги проваливались. В мокрых башмаках хлюпала вода. Мальчики разулись.

Вот наконец и перестал дождь. Солнце сначала высушило на ребятах одежду, потом стало припекать плечи.

Было уже часа два. Есть хотелось нестерпимо.

— Что же, — сказал Алёша: — если уж очень проголодаемся, можно жолуди грызть.

— А я не дам! — проворчал Володя. — Я из них в Казани буду варить желудовый кофе.

— Можно и сейчас сварить, — решил Алёша. — Вон, я вижу, кремень. Из него надо высечь искры. Соберем валежник и разведем костер.

Володя собрал самые сухие ветки и сложил их для костра. Алёшка поднял два камня и стал стучать ими друг о дружку. Раз или два у Алёши действительно вылетела искра, но огня от этой искры никакого не получилось.

Мальчики немного отдохнули у незажженного костра и опять пошли.

Вдали, за березками, показался прудок. Сверху он был чуть-чуть подернут тиной. Хотелось взять тряпку и протереть поверхность. Мальчики искупались. Володе удалось поймать двух карасиков, но он их опять пустил в воду: на что они, раз нет огня! Так сидели ребята у воды, голодные и злые.

Вдруг пруд как будто зажегся, и все деревья стали золотисто-красными. Ребята обернулись и увидели, что солнце опускается в Волгу. У Володи что-то запершило в горле и зачесалось в носу.

— Вон стоит стог сена, — сказал Алёша. — Я ни разу в жизни не спал в стогу. Здесь можно здорово переночевать.

Мальчики зарылись в стог и уснули.

Утром колхозники приехали за сеном. Они чуть не проткнули вилами мальчиков, но, к счастью, наткнулись на рюкзаки. Услыхав крик, колхозники испугались, но, когда ребята вылезли из стога, все стали их ругать:

— Зачем сено мнёте? Кто вам позволил на лугу ночевать?

Алёша рассказал про бурю на Волге. А Володя, вспомнив, что он пропустил первый в своей жизни день занятий в школе, сел на землю и стал громко плакать.

Колхозники стояли вокруг и смеялись.

— Стыдно вам! — рассердился Алёша. — Володя плачет потому, что он еще маленький и первый раз в жизни опоздал в школу.

— Вот и незачем ему плакать-то! Плачет он зря: ведь первое сентября только завтра будет. А мы вас к поезду сегодня через полчаса доставим.

И тут Володя вспомнил, что они с бабушкой один раз оборвали сразу три листка календаря, и, значит, мальчики полмесяца жили на два дня вперед.

Хорошо, что есть на свете такие бабушки!

ТОРПЕДНЫЙ КАТЕР.

МИНОНОСЕЦ.

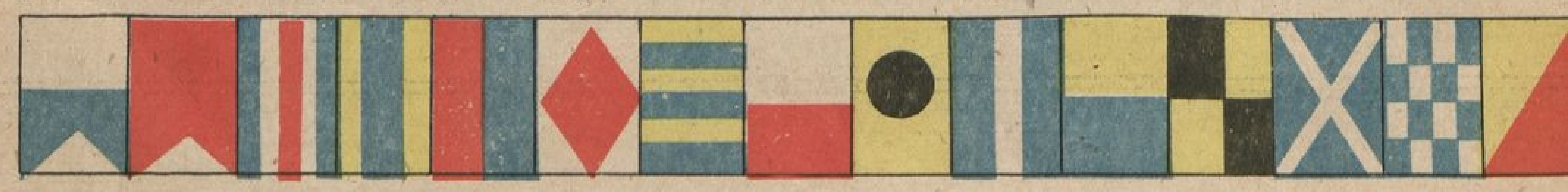
КРЕЙСЕР.

Если кто-нибудь вздумает напасть на нас с моря, навстречу врагу выйдут боевые корабли нашего советского Военно-Морского флота.

Тут нарисовано, как эскадра кораблей идет в бой. В центре мчится линейный корабль—линкор. Это целая пловучая крепость. Со всех сторон линкор закрыт броней из толстых стальных плит. Из броневых башен направлены на врага дальнобойные пушки. Они стреляют по два раза в минуту огромными снарядами, по тысяче килограммов весом каждый.

Если залп таких снарядов попадет в борт или обрушится на палубу корабля, даже броня не всегда защитит корабль от страшных разрушений.

Дальше за линкором, справа от него, идет линейный крейсер. Он меньше линкора, и пушки на нем поменьше. Перед боем крейсеры выходят на разведку, а в бою вместе с линкорами обстреливают главные силы противника. Броня на крейсере тоньше, чем на линкоре, но зато мчится он, как курьерский поезд, и попасть в него из пушки очень трудно.

ГИДРОСАМОЛЕТ.

ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ.

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА.

Слева от линкора, рассекая волны, несется эскадренный миноносец. Брони на нем почти нет. Но зато на миноносце, кроме пушек, есть еще самодвижущиеся мины — торпеды. Мчится миноносец быстрее крейсера. Он нападает на корабль врага, выпускает торпеды и уходит из-под обстрела противника. От взрыва торпеды вражеский корабль может взорваться, затонуть или надолго уйти из строя.

Впереди, перед строем кораблей, идут в атаку совсем маленькие торпедные катеры. Они стаей, как пчелы, налетают на корабли противника и все разом выпускают свои торпеды. Уйти от их атаки очень трудно — мчатся они, как автомобили, по сто километров в час.

Сверху над кораблями летят гидросамолеты. Их дело — наблюдать за боем и бомбить противника. А под водой нападают на врага подводные лодки. Их не видно на рисунке — они нырнули и пошли в атаку.

Вот таких кораблей в советском флоте столько, сколько нужно, чтобы встретить любого врага.

Внизу нарисованы морские сигнальные флаги.

Рисунки П. Алякринского

ВОДОЛАЗ

Стихи Л. Квитко
Перевела с еврейского Е. Благинина

Рисунок А. Брея

Как-то я в реке купался,
Плавал и нырял глубоко...
Под водой всё очень странно:
Призрачно и одиноко.

Дно занесено песками,
Ходят рыбы косяками...
Если бы не задохнулся,
Я б схватил одну руками.

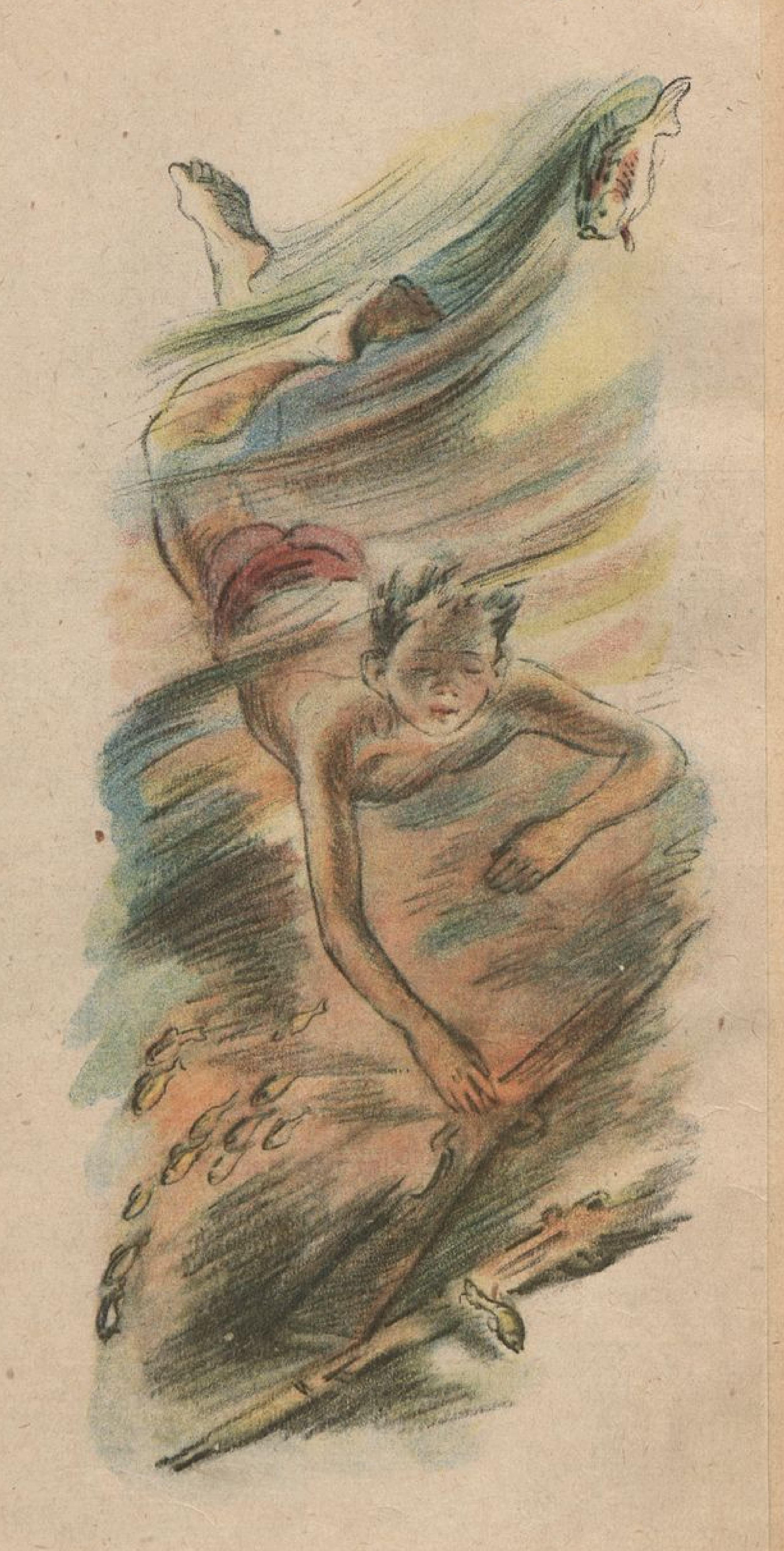
Но дыхания не стало,
Я покинул глубину
И, чуть-чуть передохнувши,
Снова кинулся ко дну.

Там качались, как живые,
Камыши береговые,
А коряги вековые
Были страшные, кривые...
И в корягах я увидел
Две винтовки боевые.
Их сдавило, как тисками,
Их засыпало песками.
Если бы не задохнулся,
Я б схватил одну руками.

Но дыхания не стало,
Я покинул глубину...

С той поры я всё лелею
Тайную мечту одну:
Как подводником я стану,
Как скафандр надену я,
Как приедет к океану
Экспедиция моя.
Сколько вырву я сокровищ
Из подводной темноты!
Я увижу всех чудовищ,
Все растенья, все цветы!

Сколько тайн я разгадаю,
Сколько сказок я сложу!
Эти тайны, эти сказки
Всей земле перескажу.

„ЗИС“

Рассказ Н. Носова *Рисунок М. Храпковского*

Один раз мы с Мишкой катались на машине, на настоящей — на «ЗИСе». Я сейчас расскажу всё по порядку. Вот!

Мы с Мишкой гуляли во дворе, смотрим — на улице остановился автомобиль. Шофер куда-то ушел. Мы побежали. Я говорю:

— Это «ЗИС».

А Мишка:

— Нет, «М-1».

Я говорю:

— Нет, «ЗИС»!

— Нет, «М-1»! Посмотри, какой у него капор.

— Какой, — говорю, — капор! Это у девчонок бывает капор, а у машины — капот. Ты посмотри, какой кузов.

Мишка говорит:

— Ну, такое пузо, как у «М-1».

— Это у тебя, — говорю, — пузо, а у машины никакого пуза нет!

— Ты же сам сказал «пузо»!

— «Кузов» я сказал, а не «пузо»! Эх ты! Не понимаешь, а лезешь! Ты посмотри, что сзади? Решетка! А у «М-1» что? Запасное колесо!

Мишка увидел решетку и говорит:

— К ней можно прицепиться и покататься.

Я говорю:

— Не надо!

А он:

— Да ты не бойся! Проедем немного и спрыгнем.

Тут пришел шофер и сел в машину. Мишка побежал сзади, уцепился за решетку и шепчет:

— Садись скорей! Садись скорей!

Я говорю:

— Не надо! Не надо!

А он:

— Иди скорей! Эх ты, трусишка!

Я подбежал, прицепился рядом. Машина тронулась — и как помчится! Мишка испугался и говорит:

— Я спрыгну! Я спрыгну!

— Не надо, — говорю, — расшибешься!

А он твердит:

— Я спрыгну! Я спрыгну!

И уже начал спускать одну ногу. Я оглянулся назад, а за нами другая машина мчится. Я кричу:

— Не смей! Смотри, сейчас тебя машина раздавит!

Люди на тротуаре останавливаются, на нас смотрят. На перекрестке милиционер засвистел в свисток. Мишка перепугался, спрыгнул на мостовую, а руки не отпускает, за решетку держится, ноги по земле волочатся. Я испугался, схватил его за шиворот и тащу вверх. Автомобиль остановился, а я всё тащу. Мишка наконец залез на решетку. Вокруг народ собрался. Я кричу:

— Держись, дурак, крепче!

Тут все засмеялись. Я увидел, что мы остановились, и слез.

— Слезай! — говорю Мишке.

А он с перепугу ничего не понимает. Насилу я оторвал его от решетки. Подбежал милиционер, номер записывает. Шофер из машины вылез — все на него набросились:

— Не видишь, что у тебя сзади делается!

А про нас забыли. Я шепчу Мишке:

— Пойдем!

Отошли мы в сторонку — да как побежим! Прибежали домой, запыхались. У Мишки обе коленки до крови ободраны и штаны порваны. Это он когда по мостовой на животе ехал. Досталось нам от мамы! Потом Мишка говорит:

— Штаны — это ничего, зашить можно, а коленки сами заживут! Только вот шофера жалко: ему, наверно, из-за нас достанется! Видал, милиционер номер машины записывал?

Я говорю:

— Надо было нам остаться и сказать, что шофер не виноват.

— А мы милиционеру письмо напишем! — говорит Мишка.

Стали мы письмо писать. Писали, писали, листов двадцать бумаги испортили, наконец написали:

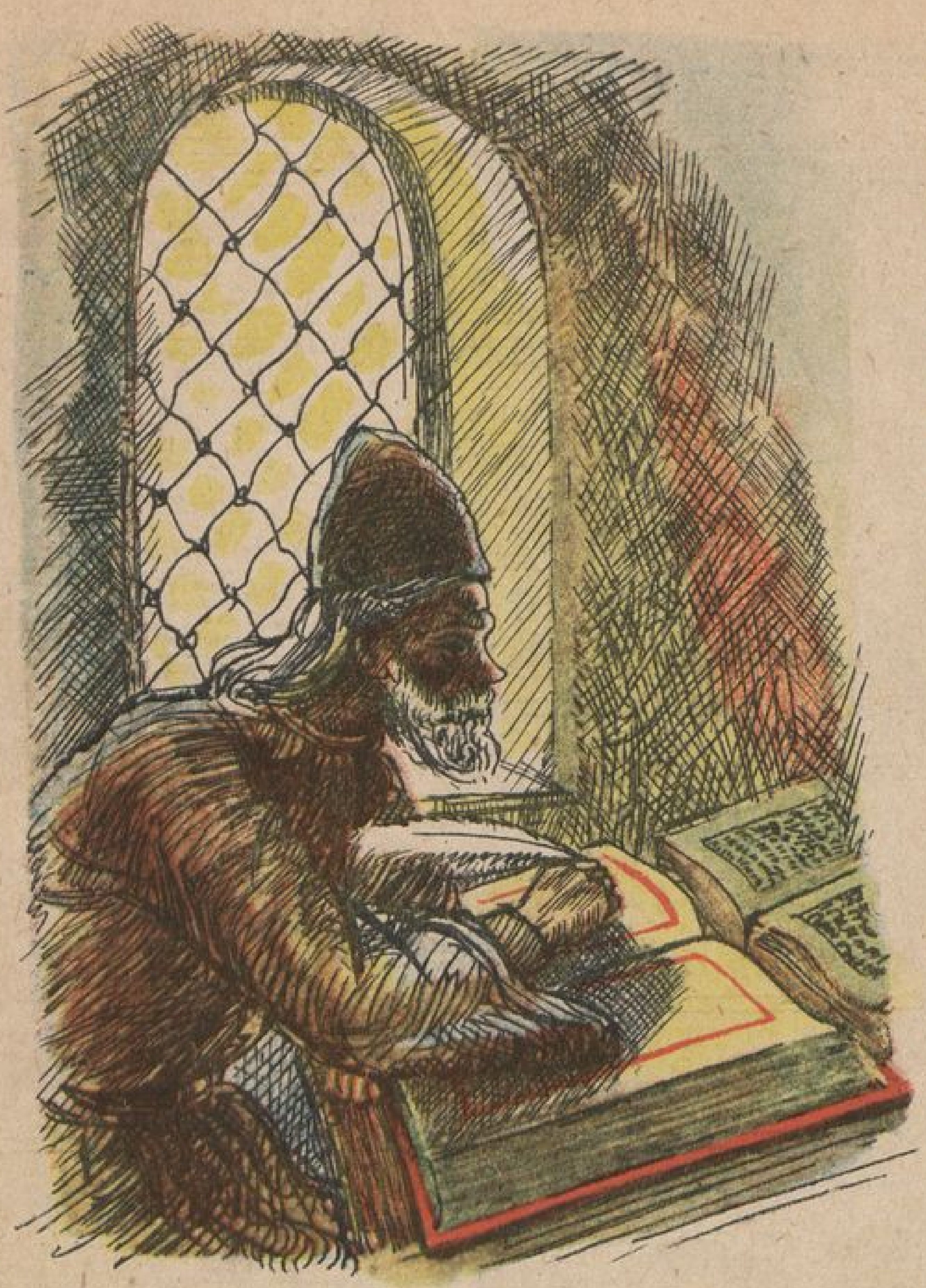
«Дорогой товарищ милиционер!

Вы неправильно записали номер. То есть Вы записали номер правильно. Только неправильно, что шофер виноват. Шофер не виноват: виноваты мы с Мишкой. Мы прицепились, а он не знал. Шофер хороший и ездит правильно».

На конверте написали:

«Угол улицы Горького и Большой Грузинской, получить милиционеру».

Запечатали письмо и бросили в ящик. Наверное, дойдет.

Рассказ М. Ильина

РАССКАЗ КНИГИ

ОСЛЕ того как часы закончили свой рассказ, книга, лежавшая на столе, слегка похлопала переплетом по заглавной странице и сказала тихим, старческим голосом:

— Браво! Браво! Ваш рассказ доставил мне большое удовольствие. У нас, стариков, есть что порассказать молодежи. Скоро исполнится ровно сто лет со дня моего рождения, то есть я хотела сказать — со дня моего издания.

Нас было ровно тысяча сестер, когда мы разбрелись из типографии по книжным лавкам. Подумать только, что из такой большой семьи осталось нас всего только десять: я и девять моих сестер, которым посчастливилось попасть в библиотеку! Когда к хозяину приходят гости, он всегда с гордостью называет меня: «библиографическая редкость».

Конечно, в моем возрасте нельзя похвалиться здоровьем и красотой. Мне вспоминаются дни моей молодости, когда переплет у меня был целый и новенький, а страницы были белые, блестящие, без единого пятнышка.

Мой первый хозяин дорожил мной, держал меня на полке за стеклом, не позволял до меня дотрагиваться маленьким рукам. А потом начались мои мучения. Меня хватали грязными руками, писали на моих страницах карандашом, загибали углы, ногтем подчеркивали строчки.

Потом было еще хуже. С ужасом вспоминаются мне те годы, которые я провела на чердаке в обществе крыс!

Хорошо еще, что теперь, на старости лет, я нашла приют у человека, который понимает толк в книгах. Но кто может поручиться за будущее?

Сколько опасений на пути у каждой из нас! Сделаны мы из самого непрочного материала. Не то что крыса — любой книжный червь может нас уничтожить. Теперь, когда книги печатаются тысячами, всегда есть надежда, что из многих близнецов хоть один переживет века и расскажет людям всё, что знает и помнит. А встарину книги не печатали, а переписывали от руки. Тут уж если погибала единственная рукопись, никто и угадать не мог, что в ней было, о чем она говорила.

Самый страшный враг книги — это огонь. Сколько книг сгорело встарину в одной только Москве! Москва горела не раз. Бывало вспыхнет огонь на одном конце Москвы — смотришь, и на другом конце горит: ведь дома-то почти все были деревянные. Хорошо еще было церковным книгам: их заботливо хранили в каменных церквах и монастырях вместе с серебром и золотом. Когда случался пожар, первым делом выносили из монастыря книги и иконы: оттого больше и сохранилось не рассказов и повестей, а церковных книг.

Старинные книги были совсем не такие, как теперешние. Книгу наряжали,

как невесту, одевали ее в бархат и сафьян, украшали драгоценными камнями. Страницы были не из бумаги, а из кожи, из пергамента. У самых дорогих книг, которые принадлежали королям и князьям, страницы были красные, а буквы — золотые и серебряные. Такая книга горела и сверкала, словно небо на закате.

Каждую книгу раскрашивал и разрисовывал художник. Начальные буквы он вырисовывал в виде зверей и птиц. Вместо «Н» рисовал двух сражающихся воинов, вместо «Р» — диковинную птицу с длинной шеей. В заглавии переписчик сплетал и связывал буквы такими сложными узорами, что потом и сам с трудом разбирал написанное. Книга такая стоила очень дорого, и не всякий мог ее купить. В монастырских библиотеках книги приковывали к столу цепью, чтобы их никто не украл.

Не хотела бы я быть на месте такой книги! Хоть и нарядная она была, да читало ее мало народу. А для нас, книг, самое главное, чтобы нас побольше читали да набирались от нас уму-разуму. Веселее стало книгам жить на свете, когда стали их делать из бумаги и печатать в типографии. Книги стали дешевле. Больше стало книг.

Рассеялись книги по свету, стали учить людей грамоте. Сначала печатная книга была похожа на свою бабушку, рукописную книгу. Бывало напечатают книгу в типографии, а потом художник на пустых страницах нарисует картинки. Но потом стал печатный станок сам печатать картинки. А от этого стала книга еще дешевле.

С каждым столетием книга все больше и больше менялась. Сейчас у каждой из нас есть и заглавный лист, и оглавление, и номер на каждой странице. Фразы на страницах разделены точками, запятыми, двоеточиями. А ведь все это появилось не сразу, не в один день. Точка, например, гораздо старше запятой. Запятая появилась четыреста тридцать лет тому назад. А точкой отделяли один стих от другого еще древние египтяне — несколько тысяч лет тому назад. Я даже могу вам сказать, кто изобрел запятую. Ее изобрел знаменитый венецианский типограф Альд Мануций. Он для нас много потрудился; оглавление — тоже его выдумка.

Было время, когда и заглавный лист был новинкой. Его вывешивали у входа в лавку, чтобы каждый знал, какая книжка появилась на свет.

Я всё это знаю только понаслышке — от других книг. Ведь я не так стара, хоть молодежь и называет меня старухой. Есть среди моих читателей такие, которые смеются над моей старомодной внешностью, над буквой «ять», над «фитой», «ижицей» и другими старинными буквами, которых немало на моих страницах. Нехорошо смеяться над старыми книгами! Старая книга много может рассказать такого, о чем люди уже забыли. Книга — это память человечества. Из книг люди узнают и то, что было раньше, и то, что делается далеко, в других странах. Если бы не было книг, не было бы и школ, не было бы и науки. А без науки люди ничего бы не знали, ничего бы не умели.

Ну, пора поставить точку. Пусть теперь кто-нибудь другой расскажет свою историю.

Стихи З. Александровой *Рисунок А. Петровой*

КАТЯ

Шла весною Катя
По лесной тропинке
В новом красном платье,
В шелковой косынке.

Золотые пчелы
На цветах качались.
Из колхозной школы
Школьники встречались.

Увидала Катя
Двух подруг у речки:
Положив тетради,
Встали на дощечки.

Зачерпнув ладонью,
Вкусно воду пили
И гребенку Тони
В речку уронили.

Стала плакать Тоня
Жалобно и тонко:
В желтой речке тонет
Новая гребенка!..

Потянулась Клава
За гребенкой смело,
Только Клава плавать
Тоже не умела...

— Девочки, спасайте!.. —
Не снимая платья,
Бросилась за Клавой
Маленькая Катя.

Есть глубокий омут
В речке возле моста,
Помогать другому
Здесь не так-то просто.

Вот за это Катя
К нам в Артек попала.
Только, жалко, платье
В речке полиняло.

Большой шаман

Ненецкая сказка

Литературная обработка А. Насимовича

Иванко, ненецкий мальчик, по тундре шел... Шел, шел... Далеко шел. Тундра, болото, там и сям мягкие подушки мхов и зеленые кустики. Питался мальчик ягодой морошкой.

Идет навстречу большой, страшный шаман Сю-бу, держит в руках мататун — барабан из тюленьей кожи. Как ударит, вылезает сердитый «бум», и летит тот «бум» до самой тучи.

— Мальчик, стань передо мной! — захрипел Сю-бу. — Говори, что ты делал?

— Много делал, — храбро отвечал Иванко. — И то делал, и сё делал, много делал.

Шаман затряс седыми космами и закричал:

— Что ты делал? Говори скорей!

— Воробья искал.

— А куда делся твой воробей?

— Воробей на кривую березу сел.

Сю-бу залязгал зубами и завыл, как волк:

— А куда береза делась?

— Ее молнией сожгло.

— Врешь ты всё! — сморщился старый Сю-бу и залаял, как юркая лисица: — Ай, ай, как ты врешь! А молния куда делась?

Иванко, однако, не испугался:

— Молния в землю ушла, — и потупился.

Тут седой шаман забубнил, забубукал, как его сердитый барабан-мататун:

— Бу-бу, кому ты это говоришь? Ты говоришь басни самому Сю-бу!.. А земля-то, а земля-то куда делась? Что, заврался!

Шаман присел, разинул огромный рот и показал Иванко сломанные зубы.

— Землю камнем придавило! — храбро ответил Иванко, не моргнув глазом.

— А камень куда делся?

Иванко помолчал и ответил:

— Старый ненец камень повалил набок да свез на озеро, сел на камень да стал рыбу ловить.

— А где тот старый ненец?

— А вон за кустом, под горой, в той низинке, — показал Иванко. — Хочет камнем кинуть в твой барабан. Это мой батька. Смотри, берегись!

— Хитер ты, мальчик! — боязливо крикнул Сю-бу и оглянулся. — Если б не был так хитер, я бы тебя давно съел.

И побежал Сю-бу вперед по мягкой тундре.

Иванко посмотрел ему в горбатую спину и говорит:

— Съел бы ты меня, да теперь у тебя зубы тупы!

Рисунок М. Храпковского

Цена 75 коп.

ЯБЛОНЯ

1. Пришли мы в наш фруктовый сад,
Туда, где яблоки висят.

2. Я подтянулся и повис —

3. И в тот же миг
Сорвался вниз.

4. И в тот же миг мой лучший друг
На ветке очутился вдруг.

5. Так нам досталось не легко
То, что висело высоко.

Стихи С. Михалкова
Рисунки И. Кеша

Адрес редакции: Москва, Чертольский пер., 4. Тел. К 4-97-22 и К 0-58-77.

Редколлегия: А. Барто, М. Ильин, Л. Кассиль, С. Михалков, Ал. Толстой, Е. Яковлева.
Художественный редактор Е. Эндриксон.
Корректоры З. Молодык и А. Сапелкина.

Сдано в набор 17/VIII 1939 г. Подписано к печати 22/IX 1939 г. Объем 2 печ. л. Ст.-форм. 93×120 1/16 листа.
Уполномоченный Главлита А-13624. Заказ № 1492. Детиздат № 2446. Тираж 200 000.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сущевский вал, 49.